

С. В. Мкртычян
Тверь, Россия

S. V. Mkrtytchian
Tver, Russia

ОБ АЛЬЯНСЕ СТИЛЯ И ЖАНРА

ON STYLE-GENRE PARTNERSHIP

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска точек соприкосновения различных стилистических теорий. Речевой жанр выдвигается в качестве объединяющей основы.

С опорой на аспекты «языковых явлений», выделенных Л. В. Щербой, в соотношении с категорией стиля уточнены следующие понятия: язык, речь, дискурс, текст, речевая деятельность. Терминологическая упорядоченность позволяет наметить четыре подхода к определению стиля: когнитивный, системно-структурный, текстовый и коммуникативный.

Когнитивный аспект стиля соотносится с «системой концептов и стратегий пользования ими». Здесь речевой жанр принимает широкую трактовку, формирует когнитивный стиль и имеет перспективы когнитивного моделирования.

Системно-структурный аспект поддерживает идею ресурсной стилистики, которая включается в жанроведение.

Текстовый аспект уравнивает стиль с речевым жанром.

Коммуникативный аспект трактует коммуникативный стиль как абстрактную категорию, которая реализуется посредством речевого жанра, обладающего когнитивно-коммуникативными характеристиками.

Ключевые слова: стиль, речевой жанр, язык, речь, текст, дискурс, речевая деятельность.

Abstract. The article is dedicated to the speech genre as a unifying basis for different theories of style.

We clarify the notions of language, speech, discourse, text in terms of «language phenomena» aspects singled out by L. V. Scherba. Terminological stability allows us to outline four approaches to style definition: cognitive, systemic-structural, textual and communicative.

The cognitive aspect of style corresponds to the «system of concepts and strategies of usage». In this view, the speech genre allows for diverse definitions. It forms a cognitive style and can be instrumental in cognitive modeling.

The systemic-structural aspect supports the idea of resource stylistics included in genre studies.

The textual aspect puts style on equal footing with the speech genre.

The communicative aspect interprets communicative style as an abstract category actualized through a speech genre with cognitive-communicative characteristics.

Key words: style, speech genre, language, speech, text, discourse, speech activity.

Сведения об авторе: Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода.

Место работы: Тверской государственный университет.

Контактная информация: 1701000, г. Тверь, Студенческий пер., д. 40, кв. 15.

E-mail: mkrtytchian@mail.ru

About the author: Mkrtytchian Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Language Theory and Translation.

Place of employment: Tver State University.

Взаимопроникновение жанроведческих и стилистических интересов, пожалуй, является общим местом лингвистики и не требует особенных доказательств. Любая поисковая система глобальной сети выдаёт целый массив сочетаний «жанрово-стилистическое своеобразие», «жанрово-стилистические характеристики», «жанрово-стилистическая принадлежность» и т.п. Отдельно стоит упомянуть «жанрово-стилистическую компетенцию», которая в соответствии с закреплённым во ФГОС компетентным подходом, широко представлена как в учебных программах по различным речеведческим дисциплинам, так и в научно-методических тру-

дах, посвящённых проблемам формирования этой компетенции.

Помимо популярных источников, ссылающихся на «нечто» жанрово-стилистическое, обнаруживается изрядное количество специальных работ (в том числе квалификационных), в центре внимания которых находится конкретный языковой материал, анализируемый в русле проблематики данного рода. Например, Т. Г. Рощектаева исследует жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка [1], Н. И. Болотнова описывает жанрово-стилистические особенности блога в аспекте регулятивности [2], Н. И. Колесникова

предлагает методiku формирования *жанрово-стилистической* компетенции обучаемых в научной сфере общения [3]; М. В. Стурикова рассматривает составляющие «дискурсивно-стилистической компетенции» (или *жанрово-стилистической*), которая, в частности, должна обеспечить эффективное «ведение деловых бесед, переговоров, совещаний, презентаций, собеседований, интервью» и владение другими жанрами, т.е. «умение использовать функциональные разновидности языка в устной и письменной речи» [4]. Таких примеров можно привести большое количество.

Неделимость сочетания *жанрово-стилистической*, ставшего коллокативным, очевидна: трудно установить, где заканчивается «жанровое», начинается «стилистическое» (как, впрочем, и наоборот) и в каких отношениях они находятся. Поиск ответа на этот вопрос выводит в плоскость категориального определения обсуждаемых понятий.

В качестве преамбулы наметим два подхода к трактовке соотношения понятий «стиль» и «жанр», на которые обращает внимание В. А. Салимовский [5]. В соответствии с первым жанры формируют стиль, а со вторым – стиль рассматривается как один из жанрообразующих факторов.

Стилеобразующий потенциал жанра связывается с закреплённостью жанра как формы структурирования речевого продукта социального взаимодействия за определённым функциональным стилем и восходит к давней теории «трех штилей» М. В. Ломоносова. Эта идея находит сочувствие и дальнейшее развитие, например, в работах А. Н. Гвоздева, А. И. Ефимова, Э. Г. Ризель. Теория функциональных макростилей из множества экстралингвистических явлений, так или иначе связанных с речью, вводит в исследование прежде всего «широкую социальную среду», «длительные и прочные социальные связи» и отражающие эти связи формы общественного сознания. Последние в их знаковом воплощении рассматриваются как частные, функционально-стилевые картины мира, которые обуславливают установку коммуникантов на то или иное отношение к действительности и выступают в роли общих социокультурных программ познавательно-речевой деятельности. Высокий уровень исследовательской абстракции существенно затрудняет решение практических задач, которое в случае известной детализации условий и механизмов реальной коммуникации должно существенно сократить дистанцию между теми, кто язык изучает, и теми, кто им

пользуется, к чему мы, вероятно, должны быть устремлены.

Жанровообразующая концепция стиля просматривается в теории жанра М. М. Бахтина, в соответствии с которой целостность жанра достигается единством тематического содержания, композиционного построения и стилистической организации высказывания. В. А. Салимовский справедливо замечает, что в своей генологической теории ученый не только распространил понятие жанра на все области речевой коммуникации, что, несомненно, является большой его заслугой; важно и другое: само это распространение стало возможным благодаря тому, что в качестве одного из главнейших факторов жанрообразования он включил в исследование «внесловесную ситуацию» – ближайшую и более широкую (формы общественного сознания), в связи с чем типы высказываний в сфере искусства, науки, права, религии оказались рядоположенными (при этом М. М. Бахтин, естественно, подчеркивал специфику художественных жанров) [5]. Таким образом, углублённое и детальное исследование речевых жанров, как на это указывал М. М. Бахтин, предусматривает введение в стилистический анализ коммуникативно-прагматических параметров ближайшей ситуации. Если следовать мысли М. М. Бахтина о вхождении стиля как элемента в жанровое единство высказывания и о том, что изучение языковых стилей может быть продуктивными лишь на основе постоянного учета их жанровой природы [6 : 242], то стилистику нужно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение.

Однако следует уточнить, что в последние десятилетия предметом функциональной стилистики стали не только закономерности отбора и употребления средств языка (а именно из такого понимания предмета лингвистической стилистики исходил М. М. Бахтин в 1950-е гг.), но прежде всего способы осуществления речевой деятельности. Отсюда происходит неминуемое сближение объектов рассматриваемых наук.

Чтобы детальнее разобраться в нюансах весьма плодотворного союза стиля и жанра, требуется наметить аспекты стиля как лингвистической категории и соотнести их с речевым жанром.

Аналитический обзор лингвистических подходов к трактовке стиля демонстрирует их несовместимую разноплановость. Основные наиболее известные трактовки стиля условно можно свести к трем подходам: 1) стиль как функционально-речевая разновидность литературного языка; 2) стиль как особое свойство текста (речи) и предмет

стилистики речи; 3) стиль как совокупность стилистических средств языка и предмет стилистики языка (или стилистики ресурсов) [7]. Совместные усилия различных стилистических школ и направлений выявили, по словам Т. Г. Винокур, «объективную невозможность свести воедино все представленные ракурсы и объемы стилистического анализа, а «наиболее удручающие стилистов "пороки" исследования явлений стиля предстали их взору не только как следствие неверной методики, в гораздо большей степени – как непреодолимое свойство самой науки, как бы адекватное свойствам фактов, которые она изучает» [8 : 4].

Внесем некоторые терминологические уточнения в трактовку понятия *стиль* в аспекте деятельностной парадигмы и попытаемся систематизировать перечисленные подходы к трактовке стиля с целью обозначения вектора «паритетного сотрудничества» стиля и жанра.

Широкая постановка вопроса о терминологической упорядоченности заставляет обратиться к сопоставлению целого ряда научных понятий: *стиль – речевая деятельность – дискурс – текст – речь*, которые при всей очевидной и декларируемой неравнозначности зачастую используются как взаимозаменяемые. Например, дискурс понимается как связная речь, поток речи (Г. Г. Почепцов), поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст (В. Г. Борботько), коммуникативно целостное и завершённое речевое произведение (Е. В. Клобуков), определённый тип ментальности (Н. Д. Арутюнова), вербализованное работающее сознание (О. Г. Ревзина, О. В. Жукова), текущая речевая деятельность в данной сфере (М. Я. Дымарский), творимый в речи связный текст (В. П. Конечкая), единство, реализующееся как в виде речи, т.е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т.е. в письменной форме (В. В. Богданов), коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнёров общения) и создающийся в процессе общения текст (А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни), мыслительно-речевая практика (В. А. Миловидов) и др.

В целом неоднозначность толкований термина *дискурс* через понятия *речевая деятельность, речь, текст* приводит к их смешению, размытости и требует уточнений.

С этой целью обратимся к классической работе академика Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [9 : 24–39], в которой содержится ряд принципиально важных положений, позволяющих наметить основания разграничения перечисленных терминов. Как следует из самого названия работы, Л. В. Щерба выделяет три аспекта языковых явлений: *речевую деятельность* – «процессы говорения и понимания», *языковой материал* – «на языке лингвистов это "тексты"», *языковую систему* – «словари и грамматики языков».

Систематизация взаимоотношений между аспектами языковых явлений, по Л. В. Щербе, с последовательным разграничением процесса и продукта предложена А. А. Залевской и представлена на схеме «Взаимоотношения между различными аспектами языковых явлений» [10] (рис. 1).

Конкретизация перечисленных аспектов приводит к выводу о том, что Л. В. Щерба фактически выделил не три, а четыре аспекта языковых явлений. Подчеркивается, что речевая организация индивида может рассматриваться как единство процесса (т.е. переработки и упорядочение речевого опыта) и продукта (т.е. «системы концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи»). Иными словами, А. А. Залевская обратила внимание на то, что Л. В. Щерба чётко разграничил понятия *механизма* (= *речевая организация* или «готовность индивида к речи») и *процесса* (= *речевая деятельность*) [11 : 89].

С опорой на упомянутую схему дифференцируем понятия *речь* (как *речевая деятельность*) и *дискурс*, которые по причине трактовки одного через другое, находятся в отношении эквиополентной оппозиции со значительным полем пересечения. Между тем в современной лингвистике наблюдается тенденция к их последовательному разграничению. В первом приближении, трактуя дискурс как процесс производства и понимания речи в коммуникативной ситуации, или актуализацию языка в речи, (ср. с метафорой Н. Д. Арутюновой «речь, погруженная в жизнь» и с пониманием дискурса, восходящим к воззрениям Э. Бенвениста и Т. А. ван Дейка), мы осознаем неоднозначность и недостаточность такого предварительного определения.

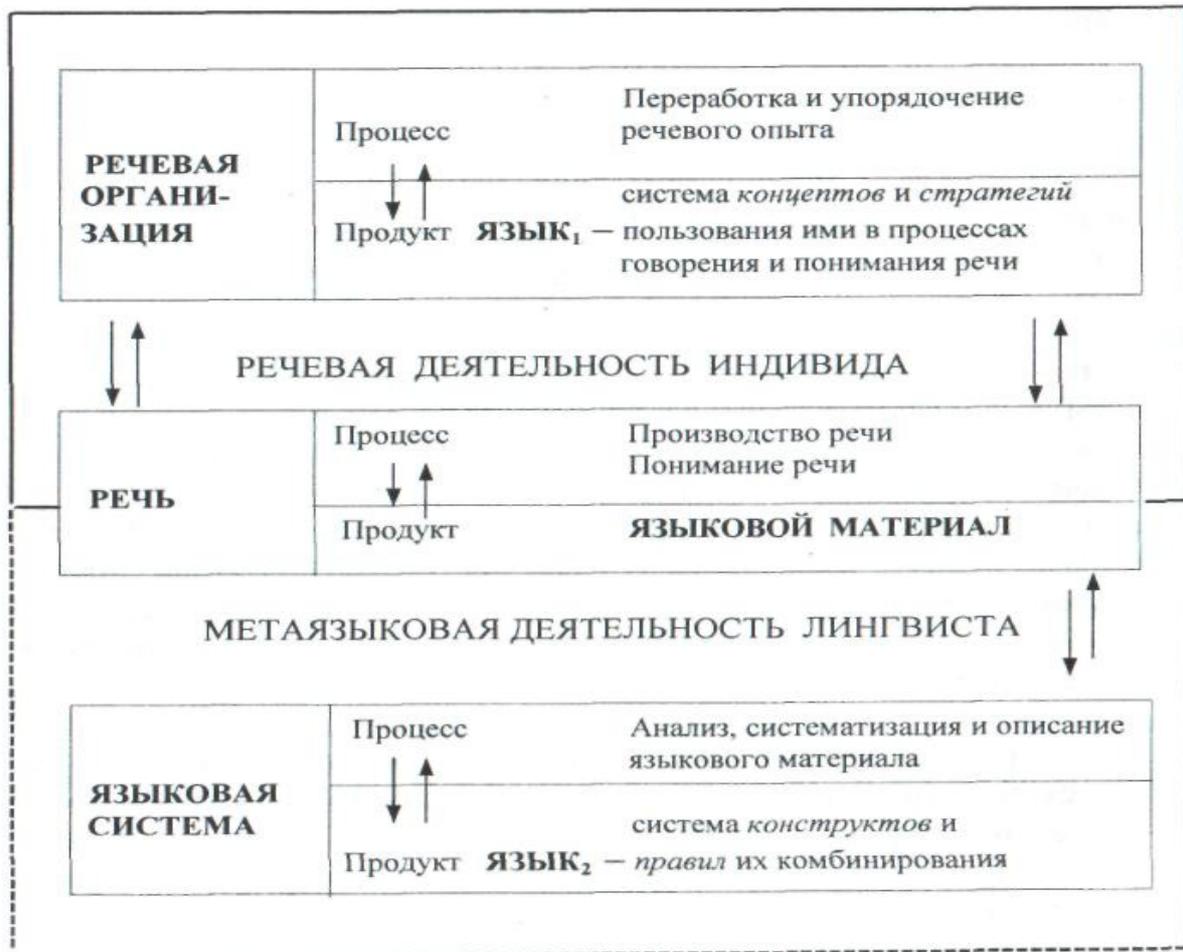

Рис. 1.

Вернёмся к упоминаемой работе Л. В. Щербы, который пишет, что «речевая деятельность является продуктом социальным» [9 : 25], а языковой материал является «совокупностью всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [9 : 26. Разрядка моя. – С. М.]

Из этого следует, что процессы производства и понимания речи нельзя рассматривать в отрыве от «коммуникативно-прагматического пространства» (термин И. П. Сусова), поэтому дискурс может трактоваться как совокупность процессов производства и понимания речи в коммуникативно-прагматическом пространстве или, по Л. В. Щербе, «в определённой конкретной обстановке». При этом аспекты языковых явлений представляют собой «разные аспекты единственной данной в опыте речевой деятельности» [9 : 26]. Таким образом, в работе Л. В. Щербы речь идёт не о четырех, а, скорее, о пяти аспектах языковых явлений: 1) *речевая деятельность* – «процессы говорения и понимания»; 2) *речевая организация* индивида (готовностью индивида к речи);

3) *дискурс* – процессы производства и понимания речи в «определённой конкретной обстановке» (Л. В. Щерба), в коммуникативно-прагматическом пространстве; 4) *языковой материал* – «на языке лингвистов это "тексты"»; 5) *языковая система* – «словари и грамматики языков». Исходя из этого, мы можем наметить основания разграничения терминов *речь*, *дискурс*, *текст*. *Речь* – процессы производства и понимания речи. *Дискурс* – речь в коммуникативно-прагматическом пространстве и в совокупности с ним. *Текст* – языковой материал, «след» дискурса, результат (продукт) речи. Таковы предварительные основания разграничения понятий.

Для дальнейшего уточнения требуется более корректный подход к определению термина *речь*, который в силу своей универсальности в условиях принципиальной полипарадигмальности современной отечественной лингвистики выступает как научный концепт с акцентуацией различных аспектов процесса производства и понимания речи.

РЕЧЬ 1 – это «языковой материал», тексты как «след» дискурса.

РЕЧЬ 2 отождествляется с дискурсом, который трактуется как «речь, погружённая в

жизнь» (Н. Д. Арутюнова); «речь, присваиваемая говорящим», речь, определяемая субъективностью автора (Э. Бенвенист), «текущая речевая деятельность» (М. Я. Дымарский). Вероятно, на этот аспект речи указывал А. А. Леонтьев, когда писал о «представлении речевой деятельности как "потока речи", своего рода пространственно-временного континуума говорений, образованного пересечением и взаимоналожением полей речевой активности говорящих индивидов» [12 : 20].

РЕЧЬ 3 уравнивается с речемыслительным процессом в широком смысле (речемыслительной деятельностью), в том числе с его «внутренней структурой». «От системы языка так или иначе отличаются процесс говорения и слушания. Этот аспект имеет разные обозначения: речевая деятельность (Щерба), речь (Штейнталь, Соссюр, Косериу), речевая система (Арзикулов). В дальнейшем этот аспект мы будем называть термином *речевая деятельность* или *речь*» [13 : 191].

Мы исходим из того, что понятие речевой деятельности осмысливается с позиций теории речевой деятельности в первую очередь как речемыслительный процесс, включающий в себя мотивационную, целевую, исполнительную стороны [12 : 26] и состоящий из системы речевых действий. «Речевая деятельность берется с учётом всех объективных и субъективных факторов, определяющих поведение носителя языка, во всей полноте обуславливающих её связи и отношений субъекта деятельности к действительности» [12 : 18. Разрядка моя – С. М.].

Совокупность факторов, определяющих поведение носителя языка, соотносима с понятием *коммуникативно-прагматического пространства*, которое раскрывается И. П. Сусовым посредством перечисления его компонентов-характеристик [14 : 37–38]. К их числу отнесены следующие: 1) высказывание (текст); 2) коммуниканты, между которыми распределены коммуникативные роли; 3) социальные статусы коммуникантов; 4) предмет речи является компонентом пространства; 5) время и место; 6) коммуникативное намерение (интенция) говорящего; 7) коммуникативный регистр (стиль общения); 8) сопутствующие обстоятельства (шумы, присутствие чужих и т.п.). Важно, что понятие коммуникативно-прагматического пространства не включает в себя процессы производства и понимания речи.

Предлагаемое понимание дискурса как речевой деятельности (совокупности процессов производства и понимания речи) в ком-

муникативно-прагматическом пространстве продолжает требовать уточнений, поскольку во-первых, широта термина *речевая деятельность* и его принципиальная возможность стать объектом изучения многих наук превращается в препятствие при решении сугубо лингвистических проблем, во-вторых, в отечественной традиции термин *речевая деятельность* зачастую используется применительно к моделям процессов речепорождения (речемыслительной деятельности).

С целью фокусировки внимания на дискурсивном (собственно коммуникативном) аспекте речевой деятельности здесь принят термин *коммуникативная деятельность*, которая представляет собой коммуникативно-ролевое исполнение речевой деятельности.

Сказанное выше позволяет определить *дискурс* как коммуникативную деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве.

Пунктирно наметив основания дифференциации понятий *речь*, *текст*, *дискурс*, *речевая деятельность* мы должны констатировать, что лингвистические характеристики дискурса еще окончательно не определены. Неизвестны факторы, обуславливающие форму дискурса и его влияние на участников коммуникации. Вместе с тем вполне очевидно, что в структуре дискурса можно наблюдать все уровни языка.

Для дальнейших размышлений в самом общем виде сформулируем исходное положение: стиль – это свойство языка-речи-дискурса-речевой деятельности, которое эксплицируется за счёт манеры (способа) использования единиц языка-речи-дискурса-речевой деятельности. Очевидно, что в данном случае имеется в виду лингвистический аспект этого понятия. По сути первую часть заявленного тезиса можно считать продуктом жесточайшей компрессии научных воззрений Г. О. Винокура, который писал, что без стиля – «подобного субъективного дополнения» – «в реальной действительности язык вообще невозможен» [15 : 221].

Определение *стиля* в терминах *язык-речь-дискурс-речевая деятельность* через призму их трактовки, представленной нами выше на основе работ Л. В. Щербы [9] и А. А. Залевской [10], позволяет выделять аспекты стиля.

СТИЛЬ 1 (когнитивный аспект) – ЯЗЫК 1. ЯЗЫК 1 трактуется как «система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи» [11 : 90].

Обзор теоретических проблем когнитивной стилистики содержится в статье Н. М. Джусупова «Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования» [16 : 65–76]. Автор характеризует когнитивное направление в стилистике как объединяющее исследования двух типов: 1) исследования, разрабатывающие общие положения теории стилистики на базе когнитивной лингвистики; 2) исследования, представляющие когнитивное обоснование стилистическим приемам и построениям, выразительным средствам языка, традиционно относимым к стилистике. Отмечается, что немногочисленные работы по когнитивной стилистике, главным образом, сосредоточены на втором направлении и касаются сугубо узких проблем когнитивной стилистики, связанных с художественной речью.

В статье выдвигается тезис о необходимости расширения интересов когнитивной стилистики за счёт вовлечения в круг исследовательских проблем «особенностей репрезентации структур знания в текстах разных функциональных стилей» [16 : 74], т. е. речь идёт о речевых жанрах как типовых вариантах коммуникативного поведения в различных коммуникативных ситуациях.

СТИЛЬ 2 (системно-структурный аспект) – ЯЗЫК 2. При подходе, где ЯЗЫК 2 – это «система конструктов и правил их комбинирования» [11 : 90], речь идет об объекте аналитической (или системно-структурной) стилистики, изучающей языковые единицы, которые выступают одновременно маркерами стиля. В случае ресурсного подхода к определению категории стиля (который А. И. Горшков предлагал вообще вывести за рамки стилистики) стилистику можно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение.

СТИЛЬ 3 (текстовый аспект) – РЕЧЬ 1. В этом случае РЕЧЬ 1 трактуется как языковой материал, тексты, факты языкового употребления, т.е. вслед за К. А. Долининым, «функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры» К. А. Долинин [17 : 62–65].

СТИЛЬ 4 (коммуникативный аспект) – РЕЧЬ 2, РЕЧЬ 3. В рамках коммуникативного аспекта стиль становится объектом *коммуникативной стилистики*. РЕЧЬ 2 уравнивается с дискурсом, т.е. коммуникативной деятельностью в коммуникативно-прагматическом пространстве. Здесь же следует рассмотреть соотношение СТИЛЬ – РЕЧЬ 3 (см. выше), где термин *речь* включает в себя превербальный речемыслеиспытательный процесс, при этом внимание акцентируется на

внутренней структуре деятельности. Единичей речевой деятельностью выступает речевое действие. Этот подход подтверждает мысль А. А. Шахматова о том, что коммуникация получает свое начало за пределами внутренней речи, а завершается в процессе внутренней речи [18 : 20]. На неразделимость речемыслеиспытательного и собственно коммуникативного аспектов речевой деятельности обращает внимание А. А. Леонтьев, включая коммуникацию в модель порождения речи [12 : 155].

В качестве основной аналитической единицы коммуникативной стилистики и единицы, маркирующей коммуникативный стиль, может быть предложен речевой жанр. Когнитивно-коммуникативная природа коммуникативного стиля в обозначенном выше понимании одновременно распространяет эту характеристику и на речевой жанр.

Сохранение высокой степени абстракции категории коммуникативного стиля подкрепляется постулатом о том, что дискурс и стиль – это, по выражению Ж. Женнета, «неразделимые лицевая и оборотная стороны листа бумаги», поскольку нет дискурса без стиля, как нет стиля без дискурса. При этом привлечение речевого жанра как маркера (или вербальной наличности) коммуникативного стиля вводит в круг стилистического описания «широкую» ситуацию общения. Такой подход не уравнивает стиль и функционально-речевую разновидность речи, ибо уравнивание подобного рода при определённых оговорках приводит к отождествлению стиля и дискурса, из чего следует на первый взгляд закономерный вывод (в частности, у Ю. С. Степанова) о ненужности и архаичности стиля как лингвистической категории; здесь стиль не трактуется через жанр, а жанр через стиль, как это мы находим у К. А. Долинина. Коммуникативный стиль остаётся абстрактной категорией (свойством коммуникативной деятельности), которая реализуется и конкретизируется посредством речевого жанра, обладающего когнитивно-коммуникативными характеристиками.

Поиск точек соприкосновения внешне трудно согласуемых теорий свидетельствует о потенциальной взаимной дополнительности обозначенных подходов на пути создания общей интегративной теории языка, которая, как кажется, способна существенно обогатить традиционные концепции как стиля, так и речевого жанра на паритетной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роцектаева Т. Г. Жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 175 с.

2. Болотнова Н. С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2013. Вып. 1 (116). С. 211–217.

3. Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Орёл, 2009. 43 с.

4. Стурикова М. В. Формирование дискурсивно-стилистической компетенции у будущих педагогов профессионального обучения // Научный диалог. М., 2012. Вып. 5. с. 119–130.

5. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистической освещении : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 343 с.

6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 421 с.

7. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 411 с.

8. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 2009. 237 с.

9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

10. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. Калинин : КГУ, 1977. 83 с.

11. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник. М. : РГГУ, 2007. 560 с.

12. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность М. : Ком Книга, 2007. 216 с.

13. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание : учебное пособие. 2-е изд. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 408 с.

14. Сусов И. П. Введение в языкознание : учебник. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 543 с.

15. Винокур Г. О., Бархударов С. Г. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 207–229.

16. Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65–76.

17. Долинин К. А. Стилистика французского языка Л. : Просвещение, 1978. 344 с.

18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.

REFERENCES

1. Roschektaeva T. G. *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti sovremennogo putevogo ocherka* [Genre and stylistic peculiarities of modern travel essays. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2007. 175 p.

2. Bolotnova N. S. O nekotoryih zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyah bloga v aspekte regul'yativnosti [Some of the genre and stylistic peculi-

arities of the blog in the aspect of regulatively]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. Tomsk, 2013, iss. 1 (116), pp. 211–217.

3. Kolesnikova N. I. *Lingvodidakticheskaya kontseptsiya formirovaniya zhanrovoy kompetentsii uchashchisya v sisteme nepreryivnogo yazykovogo obrazovaniya* [Didactic concept of the formation of the genre competence of students in the system of continuous language education. Dr. ped. sci. thesis diss.]. Oryol, 2009. 43 p.

4. Sturikova M. V. Formirovanie diskursivno-stilisticheskoy kompetentsii u buduschih pedagogov professionalnogo obucheniya [The discursive formation of stylistic competence of the future teachers of vocational training]. *Nauchnyy dialog*. [Scientific dialogue]. Moscow, 2012, iss. 5, pp. 119–130.

5. Salimovskiy V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskoy osveschenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2002. 343 p.

6. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah. Opyit filosofskogo analiza* [The problem of the text in linguistics, Philology and other Humanities. Experience of the philosophical analysis]. Moscow, 1979. 421 p.

7. Mkrtyichyan S. V. *Upravlencheskie kommunikativnyie stili v sotsialno stratifitsirovannom diskurse (na materiale russkogo yazyika)*. [Administrative communicative styles in stratified social discourse (on the base of Russian language). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Tver, 2012. 411 p.

8. Vinokur T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispolzovaniya yazykovykh edinit* [Regularities stylistic use of language units]. Moscow, 2009. 237 p.

9. Scherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [The language system and speech activity]. Moscow, 2004. 432 p.

10. Zalevskaya A. A. *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka: uchebnoe posobie* [Problems of organization of internal human vocabulary: tutorial]. Kalinin, 1977. 83 p.

11. Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, 2007. 560 p.

12. Leontev A. A. *Yazyk, rech, rechevaya deyatel'nost* [Language, speech, speech activity]. Moscow, 2007. 216 p.

13. Popova Z. D., Sternin I. A. *Obschee yazykoznanie: uchebnoe posobie* [General linguistics: tutorial]. Moscow, 2007. 408 p.

14. Susov I. P. *Vvedenie v yazykoznanie: uchebnik* [Introduction to linguistics: tutorial]. Moscow, 2007. 543 p.

15. Vinokur G. O. O zadachah istorii yazyika [On the tasks of the history of language]. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyiku* [Works in Russian language]. Moscow, 1959, pp. 207–229.

16. Dzhusupov N. M. *Kognitivnaya stilistika: sovremennoe sostoyanie i aktualnyie voprosyi issledovaniya* [Cognitive stylistics: modern state and current research questions]. *Voprosyi kognitivnoy lingvistiki*

[Questions of cognitive linguistics]. 2011, no. 3, pp. 65–76.

17. Dolinin K. A. *Stilistika frantsuzskogo yazyika* [Stylistics of the French language]. Leningrad, 1978. 344 p.

18. Shahmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyika* [The syntax of the Russian language]. Leningrad, 1941. 620 p.

Статья поступила в редакцию 27.05.2014.